

Когда Акира вышел на школьный двор, класс уже построился. Эрика делала вид, что не замечает его, выполняя команду «Равняйся!». Из-за того, что он отдал кровь, но сам не получил переливания, голова кружилась, но Акира молча встал в строй.

Из-за того, что в танце пятого класса были полёты, тренировки были тяжёлыми. Акира в этом был силен.

— Итак, расходимся... Отходим друг от друга, пока не перестанем доставать руками. Всем понятно? Тогда поехали, расправляем крылья!

Секрет в том, чтобы чётко представить образ. Десять пальцев удлиняются, между ними натягивается тонкая, но прочная перепонка. Перья, эффективно захватывающие воздух, — представляй, как каждый пушок на руках набухает... Белые перья распушаются. Не только в крыльях, но и во всех костях тела создаётся множество полостей, тело перестраивается, становясь лёгким и гибким. Мышцы, необходимые для взмаха, — лезвия пока не нужны.

— Строго соблюдайте правила. Не расправляйте крылья шире, чем вдвое больше вашего роста. Да, вот так... Хаята, ещё немного шире.

Он думал о крыльях-лезвиях отца. Крылья-лезвия отца, который был в отряде Босай, были предметом восхищения Акиры с детства. Хочу стать таким, как он, расправить крылья, как отец, защищать город самым острым лезвием — я тоже хочу стать таким... Это восхищение всё ещё было у него в груди.

(Вот так...)

Когда он представил образ отца перед мысленным взором, утренний сон внезапно всплыл в сознании.

Неестественно вытянутые кости. Прорвав кожу, широко расправившись, словно больное, искривлённое дерево... крылья.

По рукам разлилось неприятное ощущение.

Почему мне приснился такой сон? Такой реальный, будто это было на самом деле...

— Акира! Акира-сан!!

Он вздрогнул и открыл глаза. Острая боль пронзила обе руки. В точности как в кошмаре, который он на миг представил, кости Акиры удлинились, прорвав кожу. Между пальцами-

перепонками капала кровь. Белые перья окрасились в багровый цвет, кто-то закричал.

— Быстро! Убери крылья!

Акира подчинился. Даже после того, как он вернул руки в человеческое состояние, раны от прорвавших кость остались, кровь струилась между пальцами. Эрика подбежала, прокусила свой указательный палец и прижала его ко рту Акиры.

— Давай! Пей!

Вспоминая произошедшее ранее, было неловко, но Акира нехотя прильнул губами к её руке. Кровь на языке была кисло-сладкой, тепло разлилось по всему телу. Он почувствовал, как под действием полученной крови раны на руках быстро заживают.

— ...Спасибо.

— Что это вообще было?!

Глаза Эрики наполнились слезами, щёки покраснели. Было ясно, что она потрясена неудачей Акиры с превращением крыльев. Учительница Румико мягко погладила её по спине.

— Эрика-сан быстро среагировала, это помогло. Акира-сан, на всякий случай сходите в медкабинет. Спортивная форма не запачкалась?

Кивнув, Акира сжал руку, всё ещё покрытую кровью. Учительница мягко улыбнулась и добавила:

— То, что было только что, было на грани нормы, Акира-сан. Чтобы такого больше не повторялось.

Образ костей, торчащих из кожи, снова промелькнул в сознании. Растянутая, как тряпка, разорванная кожа...

Верно.

Крылья отца в том сне явно превышали «норму».

В медкабинете был только Усиода. Как обычно, несмотря на то, что он школьный врач, от него ужасно воняло табаком. Небрежно осмотрев руки Акиры, он сказал:

— Угу, раз получил кровь, заживает нормально. Смой кровь водой в раковине и можешь

возвращаться на урок.

Он говорил это, записывая что-то на доске огрызком карандаша. Со школьного двора доносилась танцевальная музыка, которую планировали использовать на спортивном празднике.

Внезапно что-то вспомнив, Акира спросил:

— Юи... а Юи, Уонои Юи-сан? Она не приходила в медкабинет раньше?

— Уонои-сан? Она только что ушла пораньше. За ней пришли.

Сказал Усиода, поправляя очки.

— А...? Даже не поев обеда?

— Ей стало плохо. Ну всё, ты возвращайся.

Акира мельком взглянул на наполовину зашторенную, нетронутую кровать, поблагодарил и вышел из медкабинета.

Низкий вздох Усиоды не достиг его ушей.

Благодаря тому, что он давно не получал чужую кровь, самочувствие было хорошим. Сосредоточившись и снова превратив крылья, Акира смог, как обычно, изменить обе руки и выпустить серовато-белые крылья, точь-в-точь похожие на ласточкины.

Оттолкнувшись от земли, Акира взлетел выше и быстрее всех в классе. Вместе с изменением площади поверхности тела пигмент стал светлее, его изначально коричневатые волосы и глаза стали ещё бледнее, а кожа — прозрачной.

В лучах осеннего солнца он сделал сальто в воздухе в такт хореографии, и когда приземлился на площадку, Эрика язвительно заметила:

— Сразу бы так и делал.

— Это благодаря твоей крови, Эрика.

— Прекрати говорить такое.

Началась переменка, время для самостоятельных тренировок. Акира любил летать. Не нужно было думать о лишнем. Молча он снова взмыл в небо. Ветра не было, но стоило крыльям поймать воздушный поток, как он легко поднимался ввысь. Приятно вдыхать чистый воздух. Некоторые одноклассники говорили, что не любят летать, но он не мог этого понять.

«Ведь это же страшно», — сказал, кажется, Хаята. Действительно, с его крыльями летать, возможно, страшно. Хаята был плох в трансформации, не мог как следует расправить крылья, его отчаянные попытки напоминали только что вылупившегося цыплёнка. У него не получалось, потому что он пытался вытянуть только крылья. Нужно собрать лишний вес со всего тела, тонко растянуть его, заполнить недостающие места — такой образ, но Хаята, похоже, никак не мог этого уловить.

(Наверное, он не дотягивает до нормы...)

Внезапно, посмотрев вниз, он увидел, что того самого Хаяту окружили несколько человек.

— Хватит уже. Ты понимаешь, что тянешь нас назад?

Громко упрекал его Кэйсукэ.

— Ну, извини...

— Мне не нужны твои извинения! Это проблема всего класса. Что, ты думаешь, на танцах будешь один прыгать на земле?

Хаята опустил голову и замолчал.

— Слушай, тебе нужно усиленно тренироваться. После школы, в храме. Не вздумай сбежать!

— Понял...

Хаята внезапно поднял на него взгляд, и Акира вздрогнул. В его глазах была явная зависть.

Дзинь-дон, дзинь-дон... раздался чистый звук.

Переменка закончилась.

Акира плавно приземлился на школьный двор и сложил крылья.

Слушая музыку для общешкольной трансляции, он, как всегда, почувствовал странную сонливость. Им постоянно говорили не оставлять еду, и без сомнений Акира допил молоко.

Лёгкая горечь кольнула язык.

Музыка с низкими частотами, вплетающимися повсюду, когда он машинально слушал её ушами, начинала казаться шёпотом на ухо низким голосом. Что он говорит? Кажется, вот-вот пойму, но не понимаю, непрерывный шёпот...

Вздрыгнув головой, Акира открыл глаза. Он почти уснул.

Музыка, то низкая, то высокая, тоном, похожим то на голос, то на инструмент, продолжала бормотать. Акира подумал, что, кстати, слышал её и не только в школе. Да, когда отец пришёл его спасать. Тогда его посадили в машину люди из отдела боусай, отвезли прямо в мэрию, и там, кажется, о многом спрашивали... И там играла эта музыка...

(Нет, такого не может быть)

Отец погиб в аварии. Не может быть никаких воспоминаний о том, как он его спас. Это был сон, должно быть...

(Сон... ли?)

Впервые это сомнение, холодное, как лёд, коснулось его сознания. (Правда ли?)

Оглянувшись, он увидел, что почти все одноклассники клевали носами, покачивая головами. Кто-то уткнулся лицом в парту.

Парта в правом углу сиротливо пустовала...

(А...)

В полусне подумал Акира.

(Там... чьё это место? Сегодня... нет того, кто отсутствует... хотя не должно быть...)

Кажется, я что-то забыл.

Ужасно хочется спать...

Учительница Румико смотрит на него. С каким-то изучающим выражением...

Спасибо, Акира-кун. — лицо прошептавшей это девушки на миг промелькнуло в сознании, но

тут же исчезло в тяжёлой тьме.

Колосья риса тяжело клонились вниз и золотисто колыхались в закатных лучах. Где-то квакали лягушки. Вдали, за тонкими облаками, смутно виднелись двойные пики горы Цукуба. Благодаря тому, что сегодня в суматохе ему удалось получить кровь от Эрики, похоже, мать не будет его ругать. Чувствуя на щеках осенний ветер, Акира возвращался домой.

Какое-то время ему было по пути с Кэйсукэ и его свитой, которые шумно направлялись к храму. Среди них был и Хаята.

Первым заметил это Хаята...

— А... вон то.

Посмотрев, куда он указывал, Акира увидел, что на межевой дорожке застряло что-то вроде тряпки. Оно двигалось.

— Эй, может, это собака?

— Я первый раз вижу...

— Дурак, ты же видел на экскурсии по общественнознанию.

Акира тоже остановился и вместе с ними стал разглядывать это существо. Акира тоже видел их вблизи впервые.

Грязные псы... Они умнее собак, ловчее и послушнее обезьян, поэтому их используют как рабочих животных на заводах. Да, Акира тоже видел их только однажды на заводе, куда они ездили на автобусе на экскурсию по общественнознанию — через стекло он смотрел, как группа грязных псов ловко управлялась со швейными машинками. Те, что он видел тогда, кажутся ему, были крупнее... Те, что были перед ним, все были меньше Акиры.

На межевой дорожке было два пса. Один сидел неподвижно, свернувшись калачиком, а другой, словно волоча тело, приближался. Издавая звуки, похожие на скулёж собаки, когда она ластится (или это был звук дыхания?), он выполз на дорогу. И вдруг заговорил.

— А... фу... э... те...

Говорил он неразборчиво, будто набив рот чем-то. Но это определённо было похоже на

человеческую речь. К тому же голос был высоким и чистым, как у ребёнка...

— Та, фу, эте...

— Эй, давайте прекратим.

Хаята, пятясь назад, сказал: «Говорят же, нельзя приближаться к грязным псам».

— Чего ты, боишься?

Кэйсукэ усмехнулся, делая вид, что храбрится. «Да что они, такие».

Внезапно Кэйсукэ пнул этого маленького грязного пса, и Акира перевёл дыхание.

— Эй...! Ты что творишь?!

Кэйсукэ обернулся к Акире и насмешливо фыркнул.

— Что творю? Воспитываю. Ты что, не знаешь? Собакам нельзя ходить по дороге. Вот, пусть сидят в грязи.

Когда пёс, несмотря ни на что, попытался приблизиться, Кэйсукэ снова пнул его. Увидев на изношенной тряпке, в которую тот был одет, не только грязь, но и тёмно-красные пятна, похожие на запёкшуюся кровь, Акира вклинился между ними.

— Прекрати! Он же ранен!

В этот момент пёс — то ли лапой, то ли рукой — с невероятной силой вцепился Акире в спину. Когти впились в плечо, в шею.

— Ай... твою...!!

От боли Акира невольно вскрикнул. Кожа порвалась, потекла кровь. Тяжесть пса навалилась на спину, и Акира упал на обочину дороги.

С криком «Ва!» дети разбежались кто куда, словно рассыпавшиеся паучки.

Было слышно, как кричит Кэйсукэ... «Акиру сожрали! Его сожрал грязный пёс!!»

Несколько ледящих мгновений... Акира подумал, что его и правда съедят. Дыхание «фу-фу» касалось уха. Пахло чем-то вроде сельдерея или полыни...

На шею закапало что-то тёплое.

Слюна? Нет...

— Акиа... акия...

Это существо заговорило.

Дрожа, Акира обернулся.

— Акия.

Акира перевёл дыхание.

— Неужели... ты, это... «Акира» говоришь?

Он знал, что они понимают человеческую речь, но не знал, что они умеют говорить. И к тому же, понять слово, услышанное лишь краем уха, и использовать его как имя...

Их взгляды встретились.

Из глаз, чёрных, с сильным блеском, катились слёзы, стекали по подбородку и падали на Акиру. Лицо было искажено странными неровностями, вытянуто, но сейчас оно казалось человеческим лицом...

— Ты... плачешь.

— Та, у, эте. Акия. Тафукэтэ.

«Помоги», — говорил он. Но слова пса, по мере того как он говорил, дрожали, путались, становились торопливыми.

— Акутага. *ндэ, угованай. Роухитэ **ваяянай.

— погоди, я не пойму, если ты так быстро говоришь. Сначала слезь.

— прошептал Акира.

— Я помогу...

Нехотя, но пёс слез с тела Акиры, но не отпустил «руку», которой вцепился.

Да. Как ни посмотри, он похож на человека...

— Акута, — указал он на другого пса, свернувшегося на меже. Из потёртой ткани, прижатой к земле, торчала маленькая, искривлённая передняя лапа, а может, рука, изогнутая так, словно скребла землю.

— Тафукэтэ...

Не обращая внимания на то, что кеды пачкаются в грязи, Акира сошёл с дороги и приблизился к псу на меже. Ветер гладил завитую гриву на его спине (гриву, или, может, волосы?), он был совершенно неподвижен. Не было даже признаков дыхания...

Акира протянул руку и поднёс её к его морде.

Он не дышал...

— Мёртв...

Прошептал он. Пёс, рыдая, словно крича, сильно затряс тело Акиры.

— Я! Акута, инанай... оэто, каэру... каэру!!

— Вы были друзьями...

Акира осторожно погладил худую спину пса, который, вцепившись в грудь его спортивной формы, рыдал. Несмотря на выступающие кости и неестественные неровности, тело было тёплым.

— Акияа...

— всхлипывая, пёс тёрся мордой о грудь Акиры.

— Роуфуэба ийно, оэ...

— Нельзя же нам здесь оставаться... Ты ранен...

Глядя его по голове, как лающую собаку, Акира вздохнул. Это не то же самое, что подобрать собаку... Но и оставить его не было сил.

— В общем, пошли ко мне. Сегодня у матери ночная смена...

Как только он сказал это, пёс вцепился в его руку.

— А ты, как тебя зовут?

Пёс прошептал:

— Оэ... касу.

— Касу... Касу?

Акира нахмурился.

— Правда Касу? Другого имени нет?

Акира не знал, какие имена дают грязным псам. Неужели их всегда называют такими оскорбительными кличками?

— Настоящее имя... есть... но, голоса, нет.

— То есть, не можешь сказать?

— Голоса, нет.

— Что это значит?

Пёс сложил перед грудью руки и замысловато пошевелил ими.

— Голос, моё имя.

— А...

Акира удивился и посмотрел на маленького пса.

— ...Язык жестов?

— Голосом, трудно. Говорю руками.

— Хм-м...

Акира, всё ещё сидя на корточках, пристально смотрел в чёрные глаза пса. Его лицо было уродливо искажено странными неровностями, но в глазах, смотревших на него в ответ, была прозрачная чернота и неподдельная искренность.

— Можешь повторить то, что сейчас показал?

— Э?

— Твоё имя.

В ответ на эти слова пёс медленно поднял правую руку от груди вверх, одновременно разжимая пальцы один за другим.

— Так... место, где цветёт цветок? Нет. Дерево, которое тянется вверх...? Что-то вроде ростка.

В чёрных глазах, смотревших на него, промелькнула несомненная радость.

— Да! Это, моё имя...!

— Дерево? Растущее дерево.

— Угу, угу...!

— О, хорошее имя...

Взяв его за руку, чтобы помочь встать, Акира сказал пришедшую в голову мысль:

— Тогда, можно я буду звать тебя Ицуки? В смысле «дерево». Ицуки.

После мгновенной паузы рука, сжимающая руку Акиры, напряглась до боли. От такой силы Акира невольно застонал.

— Уэций... ураций, оэ, ицуки, уэций. Ицуки. Акия.

— Что, рад?

— морщась от боли в руке, Акира тихо рассмеялся.

— Какой же ты милый...

«Дерево» с силой потёрлось головой под мышку Акиры.

— Уэций. Акия, оэ, ицуки.

Да, в этот момент у Акиры была только одна мысль: «Ко мне привязалось что-то странное».

Наконец-то появилось «Дерево»!

С этого момента сюжет будет разворачиваться вокруг этих двоих ♪

Если вам понравилось, я буду плакать от радости, если вы поддержите меня подпиской, звёздочками и отзывами!

Версия на Какуёме — это в основном хоррор-фантастика, довольно целомудренные братские отношения + α, но каноничная версия — в МунРе, густая и страстная чистая любовь.

Тем, кому нравится БЛ, также сюда. (Кстати, концовка отличается)

□R18□□Реквием по Гарпии□ — Преодолев запрет, прикоснуться к душе.

— Дистопия, хоррор × История о чудовищных вампирах × Чистая любовь между разными расами

<https://novel18.syosetu.com/n7022lg/>

<http://bllate.org/book/18129/1740482>